

Кофейня работала с десяти утра до восьми вечера.

А значит, и обедать, и ужинать Чэнь Дуну приходилось прямо в кофейне.

Заказывать доставку — об этом и речи быть не могло, нынче доставка такая дорогая! Особенно в городе первого эшелона: один приём пищи запросто обойдётся в двадцать-тридцать юаней, два за день — почти шестьдесят, а за месяц целая тысяча восемьсот, ну где такому скряге, как Чэнь Дун, на это раскошелиться.

Поэтому он решил носить еду с собой.

Как раз кстати Е Синью недавно перешёл в другую компанию, в новой фирме соцпакет хороший, трёхразовое питание включено, так что парню больше не надо было специально нестись домой готовить ему ужин.

В первый же день, принеся еду, он обнаружил, что просчитался: в кофейне-то не было микроволновки! Есть только одна печь.

Печь использовалась для выпечки лёгких сэндвичей: круассан разрезается посередине, внутрь укладывается несколько ломтиков ветчины и пластинок сыра, ставится в печь на пять минут при среднем жаре, и как только сыр расплавится, можно выкладывать на тарелку и подавать.

Такой лёгкий перекус в заведении стоил 38 юаней. А если добавить ещё несколько листочков руколы — за это доплата 8 юаней.

Когда Чэнь Дун в первый раз раскрыл меню и увидел цены, он было решил, что эта кофейня открыта в Шанхае.

— В заведении нет микроволновки, разогреть еду нельзя, так что же вы раньше решали с обедом? — Чэнь Дун, держа в руках тяжеленный стеклянный контейнер с едой, не мог скрыть разочарования.

Хань Сюнь ответил честно:

— Иногда заказывал доставку, иногда ел здешний сэндвич.

Чэнь Дун ухватился за ключевые слова:

— А за то, что съешь здешний сэндвич, надо платить заведению?

— — Он же сам и был хозяином — и никогда не задумывался, идёт ли в выручку то, что он

ест у себя же.

Видя, как тот мнётся, словно хочет что-то сказать, да не решается, Чэнь Дун понял всё не так: решил, что платить и впрямь придётся из своего кармана.

И парень заступился за него:

— Ни обедов для сотрудников, ни микроволновки не предусмотрел — у хозяина в двенадцати знаках зодиака, верно, Гранде¹ затесался.

1. Гранде — (Гэланьтай) — кит. транслитерация фамилии Гранде, скупца-ростовщика из романа Оноре де Бальзака «Эжени Гранде» (1833); в Китае — нарицательное имя патологического скряги.

Хань Сюнь:

—

Чтобы себя обелить, Хань Сюнь тем же вечером заказал в интернете микроволновку, и на следующее утро её уже доставили в кофейню. Кроме микроволновки он купил ещё маленькую электрическую кастрюльку, в которой можно варить лапшу. Купил и мини-холодильник, чтобы морозить кое-какие полуфабрикаты. А раз уж пошла такая покупка — давай заодно ещё и аэрогриль... Всю эту кухонную технику Хань Сюнь запихнул в комнату отдыха для сотрудников.

На этот раз настала очередь Чэнь Дуна изумиться:

— Я только вчера сказал, что хозяин скупой, а сегодня уже прислали целую кучу всего?

Он сделался особенно настороженным, скользнул взглядом по камере наблюдения, висевшей на стене, и, понизив голос, спросил:

— Хань Сюнь, ты точно уверен, что хозяин не подглядывает за нами тайком через камеру?

— Уверен. — Хань Сюнь не знал, как открыть ему правду. — Может, хозяин расщедрился, захотел немного повысить благосостояние сотрудников.

— Вот оно что! — Чэнь Дун торжественно кивнул, подошёл под камеру и нарочито произнёс: — Наш хозяин и впрямь хороший человек! Заботится о подчинённых, не только высокую зарплату

нам предложил, но ещё и таким полным комплектом техники оснастил. Я прямо до глубины души растроган! Я буду относиться к кофейне как к собственному дому, усердно трудиться и непременно отплачу хозяину за его доброту!

Хань Сюнь:

— Хозяин правда не будет смотреть.....

Чэнь Дун сжал кулаки обеими руками, преисполненный энергии:

— Мне уже не терпится начать рабочий день!

Хань Сюнь:

—

Не то чтобы Чэнь Дун себя нахваливал, но он человек с чутким слухом и зорким глазом, особенно мастер откапывать в жизни всякие маленькие зацепки.

Вот как раньше он по едва уловимым следам обнаружил, что Хань Сюнь в него тайно влюблён, так и на этот раз он был совершенно уверен: хозяин наверняка время от времени приглядывает через камеру за двумя своими домашними эльфами.

Только он не ожидал, что Хань Сюнь окажется таким простофилей: хозяин наврал ему, что не смотрит, а тот возьми да и поверь.

Эх! Всё-таки придётся положиться на него самого.

Когда в комнате отдыха появилась электрическая кастрюля, обед Чэнь Дуна стал ещё богаче. Он заранее налепил дома с десяток маленьких вонтонов, заморозил их в холодильнике в комнате отдыха, а в обеденное время вскипятил воду, бросил вонтоны, ещё отварил горсть лапши, несколько листочков зелени, просто развёл соус-заправку — и вот уже готова дымящаяся миска лапши с вонтонами.

Он не стал есть в одиночку: подумал, что Хань Сюнь тоже ещё не обедал, и ему тоже сварил миску.

Когда парень вышел из комнаты отдыха, держа в руках две дымящиеся миски, на лице Хань Сюня, занятого приготовлением кофе, отразилось удивление.

Он посмотрел на миску лапши с вонтонами, потом перевёл взгляд на улыбающееся лицо Чэнь Дуна, и словно невидимое перо провело череду штрихов прямо по кончику его сердца.

— Скорей попробуй мою лапшу с вонтонами! — окликнул его Чэнь Дун. — Не то чтобы я хвастался, но с моим уровнем хоть свою лавку открывай!

Парень вовсе не с детства мечтал стать писателем. В начальной школе он страшно завидовал однокласснику, у которого семья держала лавку завтраков, и тоже хотел открыть лавку, нанять пятерых работников: один отвечал бы за блинчики с яйцом, другой — за тыквенную кашу, третий — за варку вонтонов, четвёртый — за жарку сладких масляных лепёшек, а последний — за мясо-яичные бургеры.

А сам он отвечал бы за то, чтобы каждый день высыпаться до естественного пробуждения, после подъёма заглянуть в свою лавку завтраков, собрать выручку, поесть завтрак, а потом отправиться в школу.....

Эта мечта разбилась лишь в средней школе, потому что он обнаружил, что лавки завтраков у школьных ворот все передаются по наследству: бабушка отработает и передаёт отцу, отец отработает и передаёт сыну.

В его семье, очевидно, не было наследственной лавки завтраков, так что ему оставалось только взять в руки своё перо и стать великим писателем.

(Е Синью: Ты не замечаешь, что в этой твоей фразе вообще нет никакой логики?)

Словом, поплутав целый большой круг, великий писатель Чэнь Дун в конце концов в той самой кофейне, где подрабатывал, осуществил желание торговать вонтонами.

Хань Сюнь принял дымящуюся миску лапши с вонтонами.

Чэнь Дун наказал ему:

— Ты только не ешь под камерой, найди мёртвую зону камеры, не давай хозяину повода ухватить тебя за косичку.

Хань Сюнь был очень послушен:

— Хорошо.

И вот они вдвоём, каждый со своей миской лапши с вонтонами, уселись в тени кофемашины и, склонив головы, принялись усердно есть.

Откусив вонтон в первый раз, Хань Сюнь обнаружил, что внутрь положен зелёный лук.

Но мужчина зелёный лук никогда не ел.

Чэнь Дун спросил его:

— Вкусно?

Хань Сюнь боялся жевать: чем дольше жуёшь, тем сильнее привкус зелёного лука. Оставалось проглотить целиком — да так, что чуть не обжёг нёбо.

Хань Сюнь:

— Вкусно.

Видя, что тот расхваливает, Чэнь Дун снова выловил из своей миски два вонтона и переложил в чужую.

Хань Сюнь: —

Мужчина со сложным выражением лица посмотрел на парня:

— Спасибо.

И только переложив вонтоны, Чэнь Дун осознал проблему: Хань Сюнь же в него тайно влюблён. А он тут с ним так добр — то вонтоны варит, то лапшу заваривает. Что если Хань Сюнь поймёт неправильно, решит, что его манят-подвешивают? Это же грех!

И вот Чэнь Дун, спохватившись, что пора чинить загон, когда овца сбежала, снова выгреб те два вонтона обратно из миски Хань Сюня.

Хань Сюнь: —

Выражение его лица сделалось ещё более сложным.

— Подаренные мне вонтоны — это что же за резон такой, забирать их обратно?

— Боюсь, ты не доешь. — Чэнь Дун сказал это, не краснея и не дрогнув сердцем. — К тому же от обилия углеводов после обеда легко клонит в сон, а если хозяин через камеру наблюдения увидит, что ты дремлешь, это ведь так скажется на твоей посещаемости!

Доев обед, Хань Сюнь поспешно сделал себе чашку кофе с двойной порцией эспрессо и только этим придавил привкус в желудке. Друзья все знали, что он не ест зелёный лук: обычно, когда они выбирались куда-нибудь компанией и делали заказ, он всегда специально наказывал кухне не класть лук. Сегодня, если бы не боязнь загубить добрую стряпню Чэнь Дуна, он бы ни за что не стал есть.

Он привалился к барной стойке и неспешно, с перерывами потягивал кофе. Послеполуденное солнце было в самый раз, оно лилось сквозь панорамное окно кофейни и согревало так, что всё тело становилось тёплым-тёплым.

А Чэнь Дун прямо посреди этого тёплого-тёплого солнечного света раскрыл ноутбук, и кончики его пальцев заплясали по клавиатуре.

Скорость его печати была то быстрой, то медленной.

Теперь Хань Сюнь был уже хорошо знаком с маленькими привычками писателя: по частоте, с какой тот хватался за телефон, он мог прикинуть, как сегодня продвигается его работа.

Сегодня производительность у Чэнь Дуна, похоже, была неплохая: пальцы трескуче порхали по клавиатуре, тяжело молотя по клавишам, ни на миг не ослабляя напора.

Вот только выражение лица у него было очень мрачное, брови сошлись в узел, и хотя пальцы стучали очень быстро, это больше походило на то, что он срывает злость.

В груди у Хань Сюня что-то ёкнуло, и он понёс ему чашку кофе.

— Сегодняшний бесплатный бонус для сотрудников. — Он поставил кофе на стол Чэнь Дуна и, будто бы невзначай, спросил: — Ну как, пишется гладко?

— Да я ещё и не начинал писать. — Чэнь Дун подвинулся в сторону, и только тут Хань Сюнь обнаружил, парень колотил по клавиатуре вовсе не оттого, что строчил текст, а оттого, что переписывался с кем-то в WeChat.

У человека по ту сторону окошка чата была вполне благопристойная аватарка, а в подписи значилось [редактор издательства такого-то].

Чэнь Дун коротко пояснил: поскольку у серии «Великий детектив Фу Сяосы» продажи плохие, издательство нашло способ связаться с несколькими начальными школами, желая устроить в них лекции по детской литературе. Дело это убивало двух зайцев: с одной стороны, можно заронить в детишек зёрна литературы, а с другой, разумеется, хотелось продвинуть произведения Чэнь Дуна.

Только вот Чэнь Дун и его «Великий детектив Фу Сяосы» уж до того были захудалые, что

многие начальные школы безо всякой жалости отвергли приглашение издательства, надменно заявив:

«— Мы как-никак элитная начальная школа, разве может произведение никому не известного писателя занимать драгоценное время наших учеников?»

Чэнь Дун и без того был натурой чувствительной, и, услышав эти отзывы, переданные редактором, он и злился, и бесился, и обижался, и корил себя — едва не выронил маленькие жемчужинки!

— Я и правда не гожусь в писатели. — Чэнь Дун снял очки и принялся тереть их рукавом толстовки.

Он опустил голову, и Хань Сюнь не мог разглядеть его лица, мог лишь расслышать в его тоне самоиронию и упадок духа:

— Вот накоплю денег и пойду заведу лавку завтраков, я считаю, что лепить вонтоны у меня выходит даже лучше, чем писанина. По крайней мере, слепишь миску вонтонов — заработаешь миску денег, а я и десять страниц напишу, да не факт, что заработаю на миску вонтонов.

Хань Сюнь утешил его:

— На самом деле ты пишешь очень хорошо.

— Да не отделяйся ты от меня отговорками, говоришь так, будто читал. — Чэнь Дун, разумеется, не поверил.

— Я читал. — Хань Сюнь дал ответ, удививший Чэнь Дуна: — Те несколько книжек, что ты оставил на книжной полке, я все прочёл.

Чэнь Дун рывком вскинул голову. Без очков он выглядел ещё более по-юношески незрелым, по обеим сторонам переносицы виднелись неглубокие вмятинки — следы, оставленные носовыми упорами очков, нечто смешное и в то же время чуточку милое.

Он недоверчиво спросил:

— Ты читал?! Это же написано для детишек.

Хань Сюнь, в прекрасном расположении духа, спросил в ответ:

— А что, мне нельзя иметь детское сердце?

Чэнь Дун посмотрел на рослого, крепкого Хань Сюня — целых метр восемьдесят пять, и никак не разглядел, где же в нём детское сердце. Зато разглядел, что у человека любовный мозг.

«Вот уж не думал, что Хань Сюнь в своей тайной влюблённости дошёл до такой степени: даже книжки, написанные им для детишек, он прочёл слово за словом.

Аж неловко как-то.»

В три часа дня знакомый старческий танцевальный коллектив «Багряный закат» снова в полном составе собрался в кофейне, вот только сегодня настрой у них был уже не тот, что прежде.

До паркового большого смотра ко Дню КНР оставалось всего пять дней, и в этот решающий момент Лао Лю вместе с их секретными танцевальными па переметнулся во вражеский лагерь — это и впрямь был тяжелейший удар.

Хотя руководитель «Цветёт богатство и роскошь» подбадривала всех сообща пораскинуть умом и создать новые па, да разве это такое простое дело? Для бальных танцев нужны пары мужчина-женщина, а в их коллективе женщин и так было больше, чем мужчин, и многим сестрицам приходилось становиться в пару друг с дружкой.

Лао Лю танцевал лучше всех среди партнёров-мужчин, и стоило ему уйти, как в строю получилось нечётное число, и многие построения теперь было не выстроить!

— Первое, что нужно сделать — это непременно набрать ещё одного партнёра-мужчину! — сказала руководитель «Цветёт богатство и роскошь». — Сестрицы, подумайте все, нет ли у кого-нибудь рядом подходящего человека?

— Мой-то благоверный никак не годится. (хрум-хрум-хрум) — Тётушка с уложенной причёской опять грызла семечки. — У моего старика руки-ноги не скоординированы, танцевать с ним — это я себя со злости в гроб вгоню. (хрум-хрум-хрум)

— Мой-то муженёк каждый день ходит на рыбалку, уже хочу его на удочке женить, — сказала «Улыбка не сходит с лица». — Если он и станцует, так разве что с удочкой.

Обошли круг, ни у кого хорошей кандидатуры не нашлось, осталась лишь одна, кто ещё не высказалась — взгляды всех устремились на «Сердце безмятежно, как лотос». Раз она так хорошо танцует, надо думать, и у её супруга должна быть художественная жилка?

— Развелась. — Видя, что старые сёстры смотрят на неё, «Сердце безмятежно, как лотос» скрестила руки на груди, привалилась к деревянному стулу и тоном спокойным, будто

обсуждала погоду, произнесла: — Он в свои-то годы всё ещё блудил на стороне, мне стало противно на него смотреть, вот и развелась.

Все хором:

—

Они молча выставили большой палец.

Затаившийся сбоку в засаде Чэнь Дун вытащил блокнотик, готовый записать каждое сказанное ими слово.

И вот в этот самый момент Хань Сюнь тронул Чэнь Дуна за руку.

Чэнь Дун:

— ?

Хань Сюнь:

— А ты не хочешь попробовать?

Чэнь Дун не понял:

— Попробовать что?

Хань Сюнь:

— Им не хватает одного партнёра-мужчины, в заведении всё равно не людно, потанцуешь с ними, заодно и побольше материала для писательства соберёшь.

Парню это показалось небывальщиной из «Тысячи и одной ночи». Он поправил очки, выпятил грудь и тоном праведным и суровым произнёс:

— Я всего лишь люблю собирать материал, но это не значит, что я должен участвовать в создании этого материала. Тихо наблюдать со стороны — вот долг писателя, а стоит мне вмешаться и встрять, как сама суть этого дела изменит...

Хань Сюнь перебил его:

— Внучка руководителя «Цветёт богатство и роскошь» — старшая вожатая дружины в соседней начальной школе.

— ?

Хань Сюнь продолжил:

— Дочь руководителя «Цветёт богатство и роскошь» — председатель родительского комитета в школе.

— ?

До Чэнь Дуна всё никак не доходило, глаза за стёклами очков были полны растерянности.

Мужчина в глубине души вздохнул о его несообразительности и просто сказал напрямик:

— Разве твоё издательство не хотело устроить тебе лекцию в начальной школе? С помощью руководителя «Цветёт богатство и роскошь» это ведь, должно быть, не составит труда?

Чэнь Дун:

— !!!!!

Точно, и как же он сам не додумался!!!

Чэнь Дун тут же отложил бумагу и ручку, оправил на себе одежду, пригладил топорщащиеся вихры на макушке, а затем неспешным шагом подошёл к ним и самым зрелым, самым бархатным, самым хриловатым голосом за всю свою жизнь спросил:

— Руководитель, я, ничтожный и бесталаный, особенно увлекаюсь бальными танцами, не знаю, не нужен ли вашему коллективу ещё один партнёр-мужчина?

Отныне в личной анкете Чэнь Дуна снова можно было добавить пунктик.

Он — исследователь детской психологии; литератор, неустанно ищущий и взыскующий; INFP, сосредоточенный на наблюдении за миром; покоритель вершин, отважно прорывающийся за пределы себя; будущий хозяин лавки завтраков; молодой человек, вступивший в двадцать шесть лет в танцевальный коллектив «Багряный закат».

Сразу в дамки, минуя сорок лет окольных путей.

<http://bllate.org/book/17866/1721251>